

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ»

ТАЙНА ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНИ

ТИШИНА СТАРОГО КЛАДБИЩА

ХОЗЯИН ГИБЛОГО МЕСТА

ПРОКЛЯТИЕ ПРАЖСКОЙ СИНАГОГИ

ГАЛЕРЕЯ ПОСЛЕДНИХ ПОРТРЕТОВ

ГОРОД МЕРТВЫХ ОТРАЖЕНИЙ

МЕСТЬ КРОВАВОГО ЖНЕЦА

ГОРОД ЗАСЫПАЕТ, ПРОСЫПАЕТСЯ МАФИЯ

ПРИЗРАКИ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

ХОЛОД ТУМАННОГО ЗАМКА

ДОМ БЕЗЛИКИХ ТЕНЕЙ

ДОРОГА НЕСБЫВШИХСЯ СНОВ

ИЛЛЮЗИИ ЧИСТОГО ХОЛСТА

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. НОВЫЕ СТРАНИЦЫ»

СОТКАННАЯ ИЗ ТУМАНА

Наталья Тимошенко

Лена Обухова

ИЛЛЮЗИИ ЧИСТОГО ХОЛСТА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Slava Gerj / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация в названии серии:

© Katja Gerasimova / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

Иллюстрация на титуле:

© Katja Gerasimova / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Иллюзии чистого холста / Наталья Тимошенко,
Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101129-1

Только Войтех Дворжак и четверо его друзей выдохнули спокойно, посчитав, что решили свою проблему и теперь в безопасности, как всё поменялось. Войтех получил задание от влиятельного человека, способного определить их судьбу. Команде необходимо спасти его дочь Катерину от некой злой силы. Выяснить, что творится с художницей, можно лишь одним способом. И исследователям придется пойти на риск...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Обухова Л., Тимошенко Н.,
текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101129-1

Пролог

*24 января 2015 года, 00.25
пр. Кима, Васильевский остров
г. Санкт-Петербург*

— Что, даже на кофе не позовешь? — Молодой человек обиженно надул губы.

Катя мысленно скривилась. Она и у женщин-то подобную мимику переносила с трудом, а человеку, называющему себя мужчиной, и вовсе не могла простить такого. Даже если бы она собиралась пригласить своего сегодняшнего ухажера в гости, то уже передумала бы.

— Я не пью кофе на ночь, — стараясь, чтобы в голосе не прорезалась брезгливость, ответила она. — Потом уснуть тяжело.

— Так я и не предлагаю тебе спать. — Молодой человек тут же перестал изображать обиду и игриво подмигнул ей.

— Всё, спокойной ночи!

Не давая ему опомниться, Катя захлопнула дверь прямо перед его носом, порадовавшись, что, несмотря на солидный возраст дома, в парадной все же установлен кодовый замок и навязчивый ухажер не следует за ней.

Вечеринка по поводу выхода из творческого кризиса скульптора Володьки Гарина неприлично затянулась, и время давно перевалило за полночь. Катя уехала одной из первых, а народ остался праздновать. Как бы после такой тусовки Володька не ушел в другой, гораздо более затяжной кризис. Впрочем, едва ли это как-то повлияет на его, с позволения сказать, творчество. Гарин был из тех, кто только языком трепать горазд, а на деле никто уже не помнил, когда он заканчивал хоть одно свое гениальное творение. Зато у него от бабки осталась огромная квартира в самом центре города, где было удобно устраивать разнообразные творческие и не очень вечеринки, поэтому его хвастовство и абсолютную бездарность ему прощали. Катя каждый раз клялась себе отказаться от очередного приглашения, но каждый раз его принимала. Не потому, что ей нравились все эти пьяные люди, мнящие себя гениями, а потому, что не хотела прослыть «дочкой богатого папы, забившей на своих закадычных друзей, с которыми когда-то приехала в Питер искать вдохновения и признания». Правда, с тех пор прошло почти десять лет, а закадычные друзья, в отличие от нее, так и не повзрослели, да и признания особого не снискали.

Лифт поднимался на предпоследний этаж так долго и так протяжно при этом скрипел всеми несмазанными частями, словно высказывал ей все, что думает о таких поздних возвращениях домой, напоминая в этот момент соседку из квартиры напротив. Выйдя из лифта, Катя остановилась на секунду, прислушиваясь к звукам в той самой квартире, но за дверью стояла гробовая тишина. Либо старая сплетница уже легла

спать, либо затаилась, понимая, что Катя давно заметила наблюдения за собственной персоной.

Дом, в котором Катя купила квартиру всего пол-года назад, был довольно старым, построенным где-то в начале шестидесятых годов прошлого века. Хотя некоторые и утверждали, что, по меркам этого города, он еще достаточно молод. Большинство жильцов здесь родились и выросли, давно друг друга знали и к каждому новичку относились настороженно. Для всей парадной, застывшей в прошлом веке, Катя была как бельмо на глазу: молодая, незамужняя, с горящим в окне по ночам светом и, прости господи, кошкой без шерсти. Или наркоманка, или проститутка — к гадалке не ходи. Пожалуй, с одной только соседкой с последнего этажа у нее и сложились более или менее дружеские отношения.

На всякий случай показав «глазку» неприличный жест, Катя направилась к своей квартире.

Резкий запах гари ударил в нос, едва только она открыла дверь. Катя остановилась, не проходя в квартиру, но и не отступая обратно. Между прихожей и просторной гостиной, соединенной с кухней, не было двери, а потому она хорошо видела желтую полоску света, протянувшуюся по полу от окна к стене, и никакого дыма в ее свете не заметила. Значит, в квартире ничего не горит. Опять кто-то жег бумагу перед вытяжкой, которая в старом доме работала неправильно. Такое уже случалось, поэтому Катя даже не удивилась. В этом доме постоянно что-то случалось.

Она осторожно вошла внутрь, прикрывая лицо теплым шарфом, и закрыла за собой дверь. В квартире стояла полная тишина, даже Анхе, чертовка лысая, не

бежала ее встречать. Впрочем, это ленивое животное так и не признало в ней свою хозяйку, а потому никогда не встречало у порога, не мурчало у нее на руках и не приходило в поисках ласки, как делают все нормальные кошки.

Щелчок выключателем не привел к нужному эффекту: прихожая так и осталась погруженной в темноту. Катя тяжело вздохнула, принявшись раздеваться, но тоже не удивилась. Свет в этой квартире часто ни с того ни с сего переставал включаться, а иногда зажигался среди ночи, поначалу доводя ее до нервной икоты. Дому сто лет в обед, чего от него ожидать? Но за большую двухуровневую квартиру, весь верхний этаж которой был оборудован под мастерскую, она простила бы ему что угодно. Дом был построен таким образом, что верхний этаж как будто делился пополам. Квартиры, выходившие окнами во двор, были самыми обычными, а те, которые смотрели на парк, выглядели как огромные студии без внутренних стен с окнами от пола до потолка. Когда-то их сдавали в аренду художникам, но теперь почти все помещения были выкуплены. Кто-то из предыдущих владельцев объединил верхнюю и нижнюю квартиры в одну, которая потом и досталась Кате.

Разувшись и скинув пальто, девушка на ощупь прошла в ванную, вымыла руки и тут же направилась вверх. Даже без кофе спать еще не хотелось, и, если свет все же включится, она сможет немного поработать. Однако уже на верхней ступеньке Катя остановилась. Здесь запаха гари почти не было, зато заметно тянуло холодом. Она точно помнила, что не открывала сегодня окна и уж тем более не оставила бы их

незапертыми в мастерской. Неконтролируемая влажность картинам вредна, а в этом городе за ее контроль не могут отвечать даже синоптики. Тем более с самого утра шел снег, а старое окно во всю стену открывалось либо полностью, либо никак.

Катя быстро вошла в мастерскую и увидела распахнутое настежь окно. Если теперь старая задвижка не удерживает его, то, возможно, ей все же стоит пересмотреть свою любовь к этой квартире. Или же поменять окна на современные, как давно советовал отец. Кате очень нравились эти старые деревянные рамы с потрескавшейся краской, поэтому следовать его совету она не спешила.

Захлопнув раму и вернув задвижку на место, она вдруг замерла, подсознательно отмечая нечто странное. Медленно опустила голову и в желтом свете фонаря увидела на узком пороге под окном как будто выжженные следы чьих-то рук. Тонкие длинные пальцы хватались за край деревяшки снаружи, словно кто-то раскаленный добела влезал в ее квартиру. Не входил, а именно вползал. Сердце пропустило удар и тут же усиленно застучало в животе, а ноги подогнулись от слабости. Катя поняла, что на первом этаже пахло именно жженой древесиной, а не бумагой. Еще медленнее, чем до этого, она обернулась, разглядывая другие следы от ладоней. Неизвестное существо влезло через окно и, видимо, на четвереньках поползло по комнате в дальний угол, где стоял мольберт с натянутым на подрамник холстом, еще чистым, но уже подготовленным к написанию картины.

Катя вскрикнула и дернулась в сторону, увидев, как на полу появляются новые следы. Невидимое су-

щество все еще находилось в студии и неторопливо ползло к мольберту, оставляя за собой выжженный паркет. Снова запахло гарью. Нужно было бежать, но Катя не могла сдвинуться с места. Ноги приросли к полу, а руки судорожно скребли по стеклу за спиной. Она чувствовала, как по щекам текут слезы ужаса, а сердце колотится так сильно, что сотрясает ударами все тело. Спящая в кресле Анхе вдруг подскочила с места, выгнула спину и зашипела, но убежать тоже не торопилась.

Существо наконец добралось до мольберта, ухватило длинными пальцами за ножки и начало подниматься вверх. Почернел и оплавился край холста, а затем на нем начали появляться непонятные линии. Они вспыхивали на мгновение искристым огнем, но тут же гасли, оставляя после себя все те же выжженные следы. Катя вдруг поняла, что существо... рисует?

Наверное, она все-таки умерла бы от ужаса, если бы в этот момент не услышала знакомый голос:

— Катюша?

Линии на картине мгновенно остановились. Катя обернулась и увидела на пороге комнаты Антонину Семеновну, ту самую соседку, с которой поддерживала дружеские отношения. Квартира Антонины Семеновны находилась на том же этаже, что и Катина мастерская, но выходила окнами во двор.

— С вами все в порядке? Я вышла мусор вынести, а у вас дверь распахнута.

Катя торопливо огляделась, пытаясь понять, какой именно мусор выносила соседка в первом часу ночи и как дверь в мастерскую, которую она не открывала, может быть распахнута, и вдруг обнаружила, что че-

рез большое окно комнату заливают яркий солнечный свет. Она взглянула на часы, обнаруживая, что те показывают девять утра.

— Все... в порядке, — выдавила она из себя.

Соседка неодобрительно покачала головой.

— Вы бы прогулялись, сегодня такая хорошая погода: морозно, но солнышко светит. Совсем себя изведете своей работой.

Катя судорожно кивнула, с трудом понимая, о чем та говорит, а затем увидела разбросанные по полу краски. Ее ладони оказались измазаны чем-то черным. Она поднесла руки к лицу и принюхалась. Это определенно была акварель. Катя торопливо подбежала к холсту и наклонилась к нему. Черные линии тоже пахли акварелью. Так что же это — она сама нарисовала? И не кистью, а руками?

Катя посмотрела на порожек под окном, но на старой, облупившейся белой краске не было никаких следов. Как не было их и на полу, и на ножках мольберта. Она шумно выдохнула и снова повернулась к застывшей столбом соседке, но стоило ей сделать шаг в сторону, как спящая в кресле Анхе подскочила, выгнула спину и зашипела. Не то на нее, не то в пространство. Катя дернулась обратно к мольберту, но тут же остановила себя. Чертова кошка просто испугалась ее резкого движения. Никого, кроме нее и соседки, в комнате не было и быть не могло.

Глава 1

28 апреля 2015 года, 12.45

г. Москва

— Нас прислали за господином Дворжаком. Вам ничего не грозит. Вам просто нужно пойти с нами...

Когда подобную фразу говорит накачанный мужчина под два метра ростом, рядом с которым стоит еще один такой же, похожий на него как брат-близнец, трудно сохранять спокойствие и самообладание. Однако Войтех знал, что мужчина не врет. Обострившаяся до неприличия интуиция подсказывала, что ему действительно нечего опасаться. По крайней мере, пока.

Он видел, как Нев соединил кончики пальцев и вопросительно посмотрел на него. Войтех понимал, что тому хватит секунды, чтобы избавить их от проблемы в виде черного «Гелендвагена» и двух внушительных близнецов с короткими стрижками и в строгих костюмах. Однако в ответ на взгляд Нева он только едва заметно качнул головой и медленно поднялся из-за стола.

— Я к вашим услугам, господа.

— Войтех?..

От внимания Лили не укрылся его обмен взглядами с Невом, в голосе ее звучала тревога, но стои-

ло Войте остановить ее жестом, как она тут же замолчала, признавая за ним право решать, как поступить.

А вот Саша, конечно, тут же вскочила на ноги и спросила, может ли она поехать с ним. Наверное, ему было не суждено понять эту женщину и ее логику. По крайней мере, он не представлял, зачем ей ехать с ним. Чем она в случае чего сможет помочь?

К счастью, ей не разрешили. Войтех видел волнение в ее взгляде и чувствовал ее страх, поэтому постарался уверенно улыбнуться, коснувшись ее руки.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Оставайся с остальными.

Он не любил обещать то, в чем сам не был уверен, но сейчас почти не сомневался, что все действительно будет хорошо. Или хотя бы правильно.

Его проводили к машине и предложили сесть на заднее сиденье. Именно предложили, а не заставили — его сопровождающие вели себя с ним строго, но вежливо.

И все же когда дверца машины захлопнулась, отгородив его железом и тонированным стеклом от оставшихся на летней веранде кафе друзей, Войтеху снова стало не по себе. Он не любил терять контроль над ситуацией, а на заднем сиденье чужой машины, один против троих крепких мужчин, к тому же без оружия, он ничего не мог контролировать.

Они ехали довольно долго. Войтех жил в Москве уже не первый год, но совсем в другом районе, поэтому не ориентировался и не понимал, куда его везут. Сопровождавшие его мужчины молчали, не переговариваясь даже между собой, и он сам тоже не за-

давал вопросов, понимая, что не получит ни одного конкретного ответа. Ему оставалось уповать на интуицию, которая убеждала его, что эти люди никак не связаны с ЗАО «Прогрессивные технологии», на которое он работал последние три года. Об этом говорил и тот факт, что его сопровождающие не взяли с ними Ивана, который взломал счета ЗАО и вычистил с них деньги. К тому же они явно ничего не знали о Неве, иначе вели бы себя с ним по-другому. Стало быть, их послал не Директор, убить которого Войтеху не хватило духу.

Когда машина наконец сбросила скорость и припарковалась, Войтех не имел ни малейшего понятия о том, где находится. Он даже не был уверен, что они все еще в Москве. Несколько раз он слишком глубоко погружался в свои мысли, прислушиваясь к внутренним ощущениям, поэтому вполне мог пропустить момент, когда они выехали за МКАД.

Место, в котором они оказались, походило на городской лесопарк: деревья здесь росли довольно хаотично, но при этом между ними петляли ухоженные дорожки, по краям которых стояли скамейки и мусорные урны. Парк казался пустынным, несмотря на солнечный теплый день. Вероятно, они все же оказались на какой-то окраине, не в самом популярном месте. Выйдя из машины, Войтех быстро оглянулся, но ближайшие жилые дома виднелись слишком далеко. Рядом с их «Гелендвагеном» было припарковано всего две машины: точно такая же, как та, на которой привезли его, и еще один «Мерседес» — черный «Майбах». На обеих машинах стояло по «мигалке», в каждой сидел только водитель.

Двое мужчин, с которыми Войтех приехал, попросили его — снова строго, но вежливо — следовать за ними. При этом вперед пошел только один, второй предпочел идти за Войтехом, словно боялся, что тот сбежит. Почему-то это предположение насмешило его: следовало быть совсем уж отчаянным, чтобы попытаться сбежать в такой ситуации.

Они прошли по тропинке около сотни метров и свернули в сторону, оказавшись на такой же пустынной аллее. Здесь тоже через каждые пятьдесят метров стояли аккуратные лавочки, но только на одной из них сидел мужчина. Вокруг его лавки, то убегая в лес, то возвращаясь обратно, радостно носился рыжий кокер-спаниель.

Один из охранников жестом предложил Войтеху пройти к лавке, что он и сделал, но уже в полном одиночестве. Когда он подошел, сел и снова оглянулся по сторонам, никого из охраны уже не было видно: они словно растворились в воздухе, бесшумно и не привлекая лишнего внимания. Хотя едва ли здесь можно было привлечь чье-то внимание, кроме снующих по стволам деревьев белок. Войтех понимал, что охрана никуда не делась и, стоит ему повести себя неправильно, он с этой лавки может и не встать.

— Добрый день, господин Дворжак, — поздоровался с ним мужчина, не поворачивая к нему головы, вместо этого глядя снова подбежавшую к нему и вставшую лапами на лавку собаку.

— Добрый, — согласился Войтех. — Не считите за грубость, но я не знаю, как к вам обращаться.

Его голос прозвучал ровно, ни грамма волнения в нем не отразилось. Наверное, потому, что с того мо-